

В конце 80-х ночи были не такими яркими, как в будущем.

Это был пригород города Дуншэнь, бедный район, где жили в тесных домах. Из маленького окна видна была темнота, чистая, без загрязненного воздуха, и далекие звезды светили ярче, чем в будущем.

Сравнивая с воспоминаниями из прошлой жизни, многое, что давно стерлось в памяти, теперь казалось таким явным, вызывая одновременно растерянность и неудержимое любопытство.

Несколько дней назад, упав с вершины небоскреба, его душа вернулась в детство, в конец 80-х, в свое прежнее тело.

...Крыша, ссора. Незнакомый красивый мужчина, его ужасный взгляд перед смертью.

Цю Минцюань резко закрыл глаза, нервно сжав пальцы.

Что же это было?

Компьютеры, телефоны, высотные здания, яркие огни — всего этого сейчас не было.

Эти воспоминания были настолько живыми, тридцать с лишним лет жизни, все те горести... Нет, это не было ложью, точно не было.

Его рука дрожа потянулась к подушке. На ощупь она была теплой и мягкой.

Холодный голос внезапно прозвучал в его голове, полный бесконечного холода и гнева:

— Цю, я предупреждаю тебя! Если ты еще раз попытаешься избавиться от меня, я убью тебя!

Цю Минцюань быстро убрал руку от нефритовой подвески. Это был не сон!

Призрак того красивого мужчины действительно последовал за ним в эту жизнь!..

Цю Минцюань с широко открытыми глазами провел всю ночь без сна, пока за окном не раздался первый крик петуха.

В 1988 году в пригороде Дуншэня находился бедный район с ветхими домами, недалеко от границы города, а чуть дальше — старая железная дорога.

На близлежащих полях жили фермеры, соседствуя с бедняками на окраине города. Каждое утро крик петуха был естественным будильником.

Цю Минцюань тихо встал, достал из-под подушки нефритовую подвеску и надел ее на шею.

Как и ожидалось, в голове сразу же раздался голос:

— Предупреждаю, больше не смей снимать меня! Слушай, сейчас самое важное — найти мастера Юаньхуэя—

Цю Минцюань сделал вид, что не слышит, оставаясь глухим к этому голосу.

Переродиться — это было не самое страшное. Самое ужасное было в том, что, проснувшись, он обнаружил, что в руке крепко сжата чужая нефритовая подвеска, а внутри нее — злой дух!

Этот дух, несомненно, был тем красивым мужчиной, с которым он упал с крыши.

Президент какой-то группы, кажется, по фамилии Фэн?

Разобравшись в ситуации, ранее холодный и высокомерный президент Фэн быстро перешел к поиску «решения».

Сначала он высокомерно спросил, почему Цю Минцюань появился и споткнул его, затем обвинил его в том, что тот сорвал его спасительную подвеску, что привело к его смерти — нет, к преждевременной кончине.

Убедившись, что перерождение реально, он сразу же принял реальность, хладнокровно и логично приказал Цю Минцюаню бросить все дела и немедленно отправиться на поиски мастера Юаньхуэя, чтобы попытаться решить его проблему.

Цю Минцюань, молча выслушав его несколько дней, наконец дал ему определение.

— Злой дух, не желающий перерождаться.

— Какой злой дух! У меня даже нет тела, ни красного языка, ни половины головы, я бы и рад летать! — возмущенно ответил президент Фэн.

Он был всего лишь остатком души, заточенным в нефрите!

Чтобы Цю Минцюань мог дольше спать перед школой, старики всегда готовили завтрак заранее. Но сегодня было воскресенье, и Цю Минцюань, понимая это, встал пораньше, чтобы дать бабушке и дедушке отдохнуть.

Цю Минцюань на цыпочках вышел из дома, подошел к общему крану во дворе и умылся холодной водой.

После умывания он подошел к крыльцу, поднял черную железную печку и, поддев кусок старого брезента, достал несколько угольных брикетов, чтобы разжечь огонь.

Хотя в конце 80-х некоторые семьи уже начали использовать газовые баллоны, в их районе, на окраине города, такие удобства еще не дошли.

Эти железные печки, исчезнувшие в будущем, использовали угольные брикеты, которые стоили около пяти-шести фэней за штуку, если покупать их, но многие семьи делали их сами, что было дешевле.

Хотя соседи были знакомы, угольные брикеты хранились под навесом, и иногда кто-то бессовестно воровал их.

Цю Минцюань, взглянув на свои брикеты, вдруг заметил, что двух не хватает!

В душе поднялось раздражение.

В прошлой жизни, когда он был подростком, его семья, состоящая из стариков и ребенка, могла только молча терпеть такие вещи. Но сейчас, с сознанием взрослого человека, такое поведение вызывало особенно сильное негодование.

Нижний брикет в печке за ночь полностью прогорел.

Цю Минцюань аккуратно вытащил потухший брикет, поставил горящий вниз, а сверху положил новый, выровняв отверстия.

Красное пламя медленно поднималось вверх. Цю Минцюань поставил на печку чайник, в алюминиевой кастрюле начал промывать рис, заодно почистил и нарезал несколько сладких картофелин.

Пока он занимался делами, соседи тоже начали просыпаться, готовить завтрак и кипятить воду в общем дворе.

— Сяо Цюань, так рано?

Соседка, тетушка Ван, зевнув и потирая поясницу, подошла к его печке и налила почти полчайника воды в свою кастрюлю.

— Я опоздала, не успела вскипятить воду, одолжи немного.

Они были соседями много лет, и, сказав «одолжи», она не ожидала, что это вызовет недовольство. Такие мелкие хитрости были частью жизни простых людей.

— Почему ты не скажешь ей прямо? Такие люди только и ждут, чтобы воспользоваться твоей слабостью! — холодно прозвучал голос президента Фэна.

Цю Минцюань, поддавшись его словам, поднял голову.

Маленький худой мальчик с темными глазами посмотрел на тетушку Ван и положил руку на ее кастрюлю.

— Сегодня я вскипятил мало воды, попросите у кого-нибудь еще, — его голос был спокоен, а взгляд глубок, как бездна.

Тетушку Ван вдруг охватило странное чувство. Эти глаза! Почему они вдруг стали такими другими?

Из-за этого она заговорила громче:

— Ой, это же не деньги, немного воды, не будь таким жадным, а то так и останешься бедным!

Цю Минцюань, сжав губы, смотрел на нее, но руку не убирал:

— Да, у нас старики и ребенок, не можем позволить себе, чтобы нас постоянно обирали. Пусть лучше будем бедными.

Соседи вокруг рассмеялись. Обычно Сяо Цюань был тихоней, а сегодня вдруг стал таким решительным.

Тетушку Ван это сильно разозлило. Она резко дернула кастрюлю, и несколько капель горячей воды попали на руку Цю Минцюаня, который вскрикнул и отпустил ее.

Тетушка Ван отшатнулась, и почти полкастрюли воды пролилось на ее руку, а сама кастрюля с грохотом упала на землю, рассыпав половину риса.

— Ай-яй! Как больно! — закричала тетушка Ван.

Цю Минцюань знал, что в холодное время года вода быстро остывает и не могла серьезно обжечь.

Рядом подбежали два петуха, с радостью клюнули рассыпанный рис и начали громко кудахтать, размахивая крыльями.

Соседка Лю Циньхуа, стоя в дверях своей парикмахерской, медленно причесывалась:

— Сяо Цюань, не обжглись ли вы? Берегите кожу.

Тетушка Ван, прыгая на месте и дую на руку, схватила Цю Минцюаня:

— Ты, маленький негодяй, специально это сделал, я тебя сейчас убью!

Цю Минцюань, с сознанием взрослого человека, не испугался этой сцены, лишь спокойно смотрел на нее.

Они стояли близко, и тетушка Ван, увидев его спокойное выражение, вдруг почувствовала страх. Почему его взгляд был таким пугающим?

Но рука болела, и она, не привыкшая к такому обращению, все равно замахнулась и ударила его:

— Я тебя научу уму-разуму!

<http://bllate.org/book/16729/1538364>